

«ЗНАЕТЕ ЧТО, СКРИПКА?»

ПРЕМЬЕРА

КАКИМ-ТО чудом Маяковский — человек любопытный, энергичный и задиристый — мог бы оказаться в этом зале: дворцовый интерьер, белый рояль, певец во фраке... Ничуть не трудно представить себе, как новорожденный бы поэт:

— Это что здесь происходит?

Еще мгновение — и вполне мог бы произойти какой-нибудь инцидент, на которые щедро была жизненная практика «крикогубого Заратустры», а еще больше — легенды о нем.

Еще мгновение... Но тут поэт поймал бы слухом хоть одно слово исполняемого «франко-камерного» произведения — и замер изумленный, возможно, впервые в жизни напомним собственный памятник:

— Сожрет... баба... ни в жисть... черта ль мне... миг — и съедена она, и она, и бублики, — выводил рулады певец у белого рояля.

«Да это же... Не может быть! Это же исполняют — меня? Мои стихи? Вот это — действительно номер!».

Простите за такое шутовское начало, но неотразимая победительность поэзии Маяковского получила в фильме-концерте «Между мною и музыкой», чья премьера прошла по первой программе Центрального телевидения вчера, и такие удивительные, прямо-таки неожиданные воплощения. Не ясно, что бы стал думать и говорить поэт дальше, но поражен бы он был.

Начать с того, что фраза, ставшая заглавием фильма, целиком вот такая: «Между мною и музыкой — давние контры».

И это не только «фразы». Тут можно расслышать и грусть поэта. Вот в поэме Асеева «Маяковский начинается» Владимир Владимирович слушает незатейливую песенку: «Мы на лодочке катались, золотистый-золотистый...». Как он ответится к ней? Отвергнет? Осмеет? Вот что, по свидетельству друга, он сказал:

Я бы счел себя
Законченным поэтом,
Если б смог
Такое написать...

И В САМОМ деле. Музыка литературы — это какая-то последняя эмблема удачи, популярности, народности. Назовите поэта — и вы услышите мелодию. Грибоедов вообще композитор, вальс его популярен у нас не меньше шопеновских. Пушкин — «Я помню чудное мгновение». Лермонтов — «Выхожу один я на дорогу». Некрасов — «Коробейники» или «Меж высокими

хлебов затерялся...». Есенин...

Да что там, даже прозаики! Тургенев — «Утро туманное, утро седое». Толстой — солдатские песни, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Горький — «Солнце всходит и заходит».

Нынешние ученики, последователи Маяковского — Евтушенко, Вознесенский, Рождественский — авторы в общей сложности едва ли не сотен песен. Еще два знаменитых поэта-певца прежде всего песнями и знамениты...

Маяковский — исключение. Нет пока такого слияния, такой неразрывности, такой окончательной и бесповоротной удачи.

Между тем в фильме-концерте композитор Андрей Петров рассказывает о множестве контактов поэзии Владимира Владимировича и музыки, как прижизненных, так и особенно посмертных.

Оказывается, Маяковский разговаривал с Шаляпиным, и тот пронзительно отметил их схожесть, нечто общее в самом облике.

Оказывается, Маяковский брал уроки пения у супруги Бурлюка, и можно себе представить, что бы мы дали за возможность получить запись его исполнения «Песни варяжского гостя»! (А что, разве нет в музыке Римского-Корсакова тех мужских, героических, мужественных нот, с которыми так точно резонирует в нашем воображении интонация поэта? Вот и еще одна, только что осознанная связь его уникального дара с отечественной культурой).

К слову сказать, поэзия его прямо-таки рвалась к музыке. Нежные и грубые — сравниваются со скрипками и литаврами. Сам он «лезет» через пюпитры, именно к скрипке, его можно принять за грубого, но он не выносит, «когда геликон меднорожий, потный крикнул: — Плакса! Дура! Вытри!».

Это — так, первое вспомнившееся. Он нацелен на музыку, устремлен к ней, и то, что этот порыв — издали, через преграды, только еще раз подчеркивает трагическое в его облике.

МОЖЕТ БЫТЬ, поэто-му композиторы, чувствуя эту тягу и это

тайное родство, обращаются к его стихам снова и снова? Песни, оратории, оперы, балеты, музыка к фильмам о нем и фильму с ним...

Последняя история вообще удивительна. Есть полузабытая повесть старого итальянского писателя Эдмондо де Амичиса «Учительница рабочих». Маяковский привил ее русской культуре, как Алексей Толстой — Буратино и Карабаса-Барабаса.

Сценарий его фильма «Барышня и хулиган» вдохновил Шостаковича на создание балета. Представляете, фильм — немой, и поэт, который сам в нем сыграл, можно сказать, повелитель слова — слова лишен, осталась лишь потрясающая немая пластика. Как это передать? Да немой же, «бессловным» балетом...

А к самому фильму, возрожденному в наши дни, новую музыку пишет Юрий Буцко, и тоже очень интересно.

Всех удач уже не перечислишь. Но вот, скажем, то, что Маяковский и сам, и через своего друга Сергея Третьякова влиял на великого немца Брехта, известно. А знаете ли вы, что у них был и общий композитор — Ганс Эйслер, и общий исполнитель — разумеется, Эрнст Буш?

Да, теперь знаем. Теперь мы знаем больше, чем «в начале этой истории».

И пусть некоторые отважные утверждения ведущего пока вызывают улыбку, скажем, такие: «Очень повезло в музыке «Левому маршу»... пьесе «Баня»...

Нет, пока еще, наверное, так сказать нельзя. «Очень повезло» — это когда музыка сберегла какие-нибудь слова, без нее обреченные на исчезновение, как, скажем, полубезвестного автора песни о крейсере «Варяг». «Левый марш» помнится нам прежде всего не музыкальными сопровождениями, хотя последние пробы, например Ваню Мурадели в исполнении ансамбля политической песни «Гренада», производят хорошее впечатление.

И ВСЕ-ТАКИ мы понимаем, что для Маяковского еще никакой не вечер. («А вы зайдите через тысячу лет, поговорим»). Вот на наших глазах застенчивый и тонкий Чехов прорвался чуть не впервые в музыку Гаврилина...

И предложение Маяковского:

— Знаете что, скрипка? Давайте жить вместе, а? — так или иначе будет принято.

А. АНДРЮШИН.